

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

ДОУ ЧУНЬЯО

**НОМИНАЦИЯ ВОЗРАСТА ЧЕЛОВЕКА В ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ
РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Специальность 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2022

Работа выполнена на кафедре лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель: **Левицкий Андрей Эдуардович**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Карасик Владимир Ильич**
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Государственный институт
русского языка имени А.С. Пушкина»,
филологический факультет, профессор
кафедры общего и русского языкознания

Ефремов Валерий Анатольевич
доктор филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российский государственный
педагогический университет имени А.И.
Герцена», филологический факультет,
профессор, заведующий кафедрой русского
языка

Волков Кирилл Васильевич
кандидат филологических наук, ФГКВУ ВО
«Военный университет» Министерства
обороны Российской Федерации, факультет
иностраных языков, старший преподаватель
кафедры дальневосточных языков

Защита диссертации состоится «10» ноября 2022 года в 16:00 часов на заседании диссертационного совета МГУ.058.1 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

E-mail: sovet@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/492399046/>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2022 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

И.В. Одинцова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена актуальной проблеме сопоставления вербальной объективации возраста человека средствами лексики и фразеологии русского и китайского языков.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что данная диссертация вписывается в русло сопоставительного изучения семантики номинативных единиц неродственных разноструктурных языков. Антропоцентрическая природа языка дает возможность выявить и сопоставить особенности вербализации информации о человеке. Одно из свидетельств тому – развитая система лексических и фразеологических единиц, обозначающих возраст человека в национальных корпусах сопоставляемых языков, которая ранее не была описана в русле сопоставительного подхода.

Степень научной разработанности проблемы. Номинациям возраста человека уделяется особое внимание в российской и китайской лингвистике. Проблемам лексических и фразеологических единиц с семантикой возраста человека посвящены работы российских ученых: Н.Д. Арутюновой (1999), А.Г. Ашхаровой (2002), О.Б. Волкоморовой (2006), В.В. Колесова (1986, 1995), Н.В. Крючковой (2003), Ю.Ю. Литвиненко (2006), И.М. Любиной (2006), Г.А. Пуцягина (1974), Т.А. Фадеевой (2001), М.А. Фёдорова (2006), М.К. Шокуевой (2006), В.Е. Щербины (2006), П.А. Щербо (2008) и др. В ходе исследования связи возраста с категорией времени Н.Д. Арутюнова (1999) сравнивала семантические структуры, в которых как синонимы функционируют прилагательные «молодой» и «новый». В.В. Колесов (1986, 1995) конструировал мир жителя Древней Руси на основе этимологии ряда лексических единиц со значением 'возраст' и 'время'. Рассматривая значение возрастных номинаций, Т.А. Фадеева (2001) представила возрастные оппозиции, наиболее характерные для русской культуры. Г.А. Пуцягин (1974) и А.Т. Ашхаров (2002) представили идеографическое описание названий возрастных групп в русском языке. О.Б. Волкоморова (2006) и Ю.Ю. Литвиненко (2006) рассмотрели семантическое поле 'возраст' как фрагмент русской языковой картины мира. В последнее время просматривается интерес к сопоставительному анализу номинативных единиц, обозначающих возраст человека средствами разных языков. Так, Н.В. Крючкова (2003), И.М. Любина (2006), М.А. Фёдоров (2006), М.К. Шокуева (2006), В.Е. Щербина (2006), И.А. Калюжная (2007), П.А. Щербо (2008), И.С. Блинова (2009), Ж.В. Фомина (2011), И.А. Киселева (2019), Н.В. Зайцева (2021) сопоставляли языковые единицы с семантикой возраста человека и выявили национальную специфику номинаций человека по возрасту в английском, французском, немецком, кабардинском, украинском и русском языках. Вместе с тем номинации возраста средствами русского и китайского языков никогда не были объектом сопоставления.

В китайской лингвистике проблемам номинации возраста человека также уделялось значительное внимание. В частности, исследования лексических единиц, характеризующих возраст человека, осуществлялись с позиций

этимологического (Жэнь Шичжань/任仕沾 1984, Ляо Чжицзянь/廖志坚 1984, Вэнь Сяньгуй/温显贵 2001); семантико-когнитивного (Юй Чжихун/余志鸿 2001); структурно-грамматического (Ма Ли/马丽 2007); стилистического (Шэн Шуган/盛书刚 2007) и национально-культурного подходов (Ван Хайфен/王海棻 1994, Ву Кэинь/吴可颖 1994, Ван Дзююань/王聚元 1998, Дин Ваньву/丁万武 2012 и др.). Джин Сяодон/金小栋 (2005) внес существенный вклад в изучение лексических единиц китайского языка со значением 'возраст' на основе эпитафий и надписей на надгробных камнях во времена Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий (220–589 гг.). Он исследовал происхождение, классификацию, слоговое деление и значение данных единиц, а также их культурную информацию. Фразеологические единицы, характеризующие возраст человека, ещё не были описаны в китайской лингвистике.

В качестве **объекта** исследования выступают номинации, репрезентирующие возраст человека в русском и китайском языках.

Предметом исследования являются сходные и отличительные характеристики вербализации возраста человека средствами лексических и фразеологических единиц русского и китайского языков.

Цель исследования заключается в выявлении изоморфизма и алломорфизма в описании возраста человека средствами лексики и фразеологии русского и китайского языков.

Поставленная цель конкретизируется в следующих **задачах**:

1) представить лексические и фразеологические единицы русского и китайского языков как фрагмент лингвокультуры этноса;

2) определить зоны сходства и отличия в русской и китайской лингвокультурах относительно временной шкалы жизни человека;

3) выявить словарные дефиниции гиперонимов лексико-семантических полей 'возраст' и 'возраст' [возраст] – лексем *возраст* и *возраст*, а также гипонимов данных полей, т.е. лексем *детство*, *отрочество*, *юность*, *молодость*, *зрелость*, *старость* и *детство*, *юность*, *молодость*, *зрелость*, *средний возраст*, *старость* в русском и китайском языках;

4) рассмотреть семантику лексических единиц русского и китайского языков, вербализующих возраст человека, и выявить их стилистические особенности;

5) рассмотреть фразеологические единицы русского и китайского языков, вербализующие возраст человека, в русле таксономического, сопоставительного и лингвокультурологического подходов.

Гипотеза исследования заключается в предположении того, что, во-первых, номинации возраста являются одними из значимых и динамично развивающихся маркеров культуры; во-вторых, лексические и фразеологические единицы, определяющие возраст человека, по-разному структурируются в русском и китайском языках. Кроме того, существование наименований возраста человека в данных языках, с одной стороны, отражает

природу изучаемой категории, а с другой – отражает особенности социально-исторической и культурной традиций русского и китайского этносоциумов, их религиозного и мифологического мировидения, а также бытового опыта.

В ходе исследования была задействована комплексная методика лингвистического анализа. Среди составляющих её **методов**: метод словарных дефиниций для анализа лексем и фразеологизмов с семой 'возраст'; метод контекстуального и компонентного анализа – для выявления значений лексических и фразеологических единиц с семой 'возраст'; метод анализа семантического поля номинативных единиц, характеризующих возраст человека, в русском и китайском языках – для структурирования и сопоставления лексико-семантических и фразеосемантических полей 'возраст' и '年齡' [возраст] и их микрополей 'детство', '童年' [детство], 'молодость', '青年' [молодость], 'зрелость', '壮年' [зрелость], 'старость' и '老年' [старость] средствами сопоставляемых языков; методы сопоставительного и лингвокультурологического анализа номинации возраста человека в русской и китайской фразеологии – для выявления изоморфизма и алломорфизма в описании возраста человека средствами фразеологии сопоставляемых языков как маркеров культуры; метод сплошной выборки из указанных выше словарей – для выделения лексических и фразеологических единиц с семантикой возраста человека.

Теоретической и методологической базой данного исследования стали труды ведущих лингвистов в области *сопоставительной лингвистики* (В.Д. Аракина, А.Х. Востокова, И.Р. Гальперина, В. фон Гумбольдта, В.З. Демьянкова, С.Д. Кацнельсона, Э.М. Медниковой, И.И. Мещанинова, В.А. Плунгяна, А.А. Потемни, Ю.В. Рождественского, Э. Сепира, Н.С. Трубецкого, Б.А. Успенского, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, Ван Фусяна, Лю Лифэнь), *теории номинации* (Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, Е.С. Кубряковой, Г.В. Колшанского, Б.А. Серебренникова, Ю.С. Степанова, В.Н. Телии, И.С. Торопцева, А.А. Уфимцевой, Чжэн Шупу), *лексической и фразеологической семантики* (Ю.Д. Апресяна, В.Л. Архангельского, И.В. Войцеховича, О.М. Готлиба, В.П. Жукова, И.М. Кобозевой, М.А. Кронгауза, Ю.М. Лотмана, В.М. Мокиенко, Г.Н. Складчиковой, В.Н. Телии, Д.Н. Шмелёва, Фу Хуайцина, Ши Ши), *лингвистической теории поля* (Ю.Д. Апресяна, А.В. Бондарко, Л.М. Васильева, Б.Ю. Городецкого, В. фон Гумбольдта, Н.Г. Долгих, Г.А. Золотовой, Ю.Н. Караулова, Н.И. Толстого, Й. Трира, Г.С. Щура) и *лингвокультурологии* (А. Вежбицкой, С.Г. Воркачевы, Г.Д. Гачева, Д.Б. Гудкова, В. фон Гумбольдта, И.В. Зыковой, В.И. Карасика, М.Л. Ковшовой, В.В. Красных, В.А. Масловой, Н.Б. Мечковской, В.И. Постоваловой, В.Н. Телии, В.И. Шаховского, Пэн Вэньчжао, Чжао Айго).

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые:

- 1) определены лексические и фразеологические средства репрезентации возраста человека в русской и китайской лингвокультурах;
- 2) раскрыты общие и культурно-специфичные черты вербализации

возраста человека средствами лексических и фразеологических единиц русского и китайского языков;

3) на основе данных лексикографических источников выявлены зоны сходства и отличия в русской и китайской лингвокультурах относительно шкалы времени в жизни человека;

4) представлены и сопоставлены лексико-семантические и фразеосемантические поля 'возраст' и '年齡' [возраст] в русском и китайском языках.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она способствует развитию теорий сопоставительной семантики, лексической и фразеологической семантики в сопоставительном аспекте. Ценность данной работы определяется уточнением и дальнейшей разработкой сопоставления семантики номинативных единиц в типологически несхожих и неродственных языках с позиций комплексной методики, в том числе методов словарных дефиниций, контекстуального и компонентного анализа, анализа семантического поля и сопоставительного и лингвокультурологического анализа, для выявления особенностей восприятия этносоциумом человека в разные периоды его жизни в сопоставляемых лингвокультурах. Значимость данной диссертации состоит также в том, что работа содействует развитию лингвокультурологии и межкультурной коммуникации; она вносит вклад в дальнейшее изучение вербализации действительности в процессе описания номинативных единиц разноструктурных языков в рамках антропоцентрической парадигмы.

Практическая значимость работы заключается в создании корпуса лексических и фразеологических единиц с семантикой 'возраст человека' в русском и китайском языках, что послужит основой для создания тематического русско-китайского/китайско-русского словаря номинаций возраста человека. Полученные данные могут быть использованы в теоретических курсах русского и китайского языков, сопоставительной лингвистики, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, общего языкознания, а также в практике преподавания русского и китайского языков как иностранных.

Материалом исследования послужили 470 единиц русского языка (393 лексических и 77 фразеологических) и 441 единица китайского языка (348 лексических и 93 фразеологические), отобранные методом сплошной выборки из «Большого фразеологического словаря русского языка» (под ред. В.Н. Телия), «Академического словаря русской фразеологии» (под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского), «Русско-английского фразеологического словаря» (под ред. С.И. Лубенской), «Фразеологического словаря русского литературного языка» (под ред. А.И. Фёдорова), «Большого англо-русского фразеологического словаря» (под ред. А.В. Кунина), «Большого толкового словаря русского языка» (под ред. С.А. Кузнецова), «Русского толкового словаря» (под ред. В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной), «Толкового словаря русского языка» (под ред. С.И. Ожегова), «现代汉语成语大词典» («Большого

фразеологического словаря современного китайского языка», под ред. Чжэн Вэйли), «中华成语大辞典» («Китайского большого фразеологического словаря», под ред. Чжоу Чянь), «在线成语词典» («Фразеологического словаря китайского языка онлайн»), «现代汉语词典» («Толкового словаря современного китайского языка», под ред. Хань Цзоли), «在线汉语大辞典» («Большого словаря китайского языка онлайн»), «百度在线词典» («Толкового словаря китайского языка Baidu онлайн»), «在线汉语词典» («Словаря китайского языка онлайн»).

Положения, выносимые на защиту:

1. Категория возраста человека отражает комплекс знаний о нем как индивиде, изменяющем в процессе онтогенеза свои свойства и качества, что отражается и закрепляется в языке. Возраст как универсальный феномен включает вербализованные представления, оценки, опыт и особенности индивида разного возраста. Восприятие человеком мира в разные периоды жизни отражается в семантике лексических и фразеологических единиц русского и китайского языков, а сходства и отличия этих процессов и их результатов маркируют специфические особенности соответствующих лингвокультурных традиций.

2. Лексико-семантические поля 'возраст' и '年龄' [возраст] рассматриваются как способ систематизации номинативных единиц со значением возраста человека в русском и китайском языках в форме иерархической структуры, с присущими им конфигурациями. В структуре данных лексико-семантических полей сопоставляемых языков существуют изоморфные и алломорфные элементы. К изоморфным элементам относятся упорядоченные микрополя: 'детство' и '童年' [детство]; 'юность' и '少年' [юность]; 'молодость' и '青年' [молодость]; 'зрелость' и '壮年' [зрелость]; 'старость' и '老年' [старость]. Алломорфные элементы заключаются в том, что в русском языке между микрополями 'детство' и 'юность' существует и микрополе 'отрочество', а в китайском языке между микрополями '壮年' [зрелость] и '老年' [старость] – микрополе '中年' [средний возраст].

3. Лексическая и фразеологическая системы отражают не только сходные представления с точки зрения русских и китайцев о *детстве* (наивность и др.), *молодости* (неопытность, энергичность и др.), *зрелости* (полнота физического развития) и *старости* (слабость, недостаток жизненных сил и др.), но и отличительные характеристики, а также оценки, приписываемые данным возрастным периодам в сопоставляемых лингвокультурах. Так, в русской лингвокультуре *детство* рассматривается как начало жизни, *молодость* характеризуется легкомыслием, а *старость* – глупостью; в китайской же – *молодость* предполагает чистоту, доброту, самостоятельность и смелость, а *зрелость* – мудрость.

4. В русском и китайском языках имеются единицы, называющие только возраст человека, и единицы, определяющие его возраст с помощью описания других явлений, связанных с возрастной проблематикой, а именно: внешность, физическое или физиологическое состояние, черты характера,

интеллектуальные способности, социальный статус, эмоциональное состояние и поведение. Различия заключаются в том, что существуют подгруппы, зафиксированные только в одном из сопоставляемых языков. В русской лингвокультуре для определения *молодости* важны интеллектуальные способности, а *старости* – поведение человека; в китайской лингвокультуре возрастные периоды жизни человека взаимодействуют с физиологическими явлениями (*детство, молодость и старость*), а также эмоциональным состоянием (*зрелость и старость*).

5. Образ человека определенного возраста в сопоставляемых лингвокультурах, создаваемый номинативными единицами, типизирован на основе метафор, восходящих к архетипам сознания: «человек-растение» и «человек-животное». Человек в сопоставляемых лингвокультурах воспринимается как составная часть окружающей его природы.

Обоснованность и достоверность выводов обеспечены использованием выдержавших проверку временем теоретических основ и комплексным внедрением методов исследования, а также значительным количеством лексических и фразеологических единиц русского и китайского языков с семантикой возраста человека; примеры их употребления выявлены методом сплошной выборки из авторитетных лексикографических изданий, а также корпусов русского и китайского языков.

Апробация работы. Основные положения данной диссертации изложены в **17** публикациях: в **1** научной статье в журнале, индексируемом в базах данных Web of Science; в **6** научных статьях в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика; в **1** статье в издании, рекомендованном ВАК РФ; в **9** публикациях в сборниках и материалах научных конференций.

Основные положения работы обсуждались на **13** научных конференциях: на Международной научной конференции «Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия» Института языкознания РАН (Москва, 2015 г.); на Всероссийской научной конференции «Полифония большого города – 7: Проблемы социализации в современном глобальном мире» МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, 2016 г.); на «VII Международном конгрессе по когнитивной лингвистике» Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, 2017 г.); на Международной научно-практической конференции «Учитель. Ученик. Учебник» МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, 2018 г.); на Всероссийской междисциплинарной научно-практической конференции «Человек в информационном пространстве» Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, 2018 г.); на Международной научно-практической конференции памяти Ю.Н. Марчука «Слово. Словарь. Термин. Лексикограф» Московского государственного областного университета (Москва, 2019 г.); на IV Международной научно-практической конференции «Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике» МГИМО (У)

МИД России (Москва, 2019 г.); на Международной научно-практической конференции «Языковой дискурс в социальной практике» Тверского государственного университета (Тверь, 2019 г.); на Международной научной конференции «Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований» Юго-Западного государственного университета (Курск, 2019 г.); на IX Международном конгрессе по когнитивной лингвистике Нижегородского филиала национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, 2019 г.); на XXI Международной научной конференции «Россия и Запад: диалог культур» МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, 2019 г.); на XIII Международной научной конференции «Язык, коммуникация, перевод» Военного университета (Москва, 2019 г.); на Международной научно-практической конференции «Языковая картина мира в условиях мультилингвизма и мультикультурализма: переводческий, лингвистический и дидактический аспекты» Воронежского государственного университета (Воронеж, 2020 г.).

Структура работы. Данная диссертация состоит из Введения, трех Глав с выводами по каждой из них, а также Заключения и Списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определены предмет исследования, его объект, актуальность, цели и задачи, научная новизна, материалы и методы, использованные в данной работе; представлены теоретическая значимость, практическая ценность и положения, выносимые на защиту, а также структура диссертации.

Первая глава «Теоретические основы сопоставления номинации возраста в русской и китайской лингвокультурах» посвящена исследованию лингвистических основ сопоставления репрезентации возраста человека средствами русского и китайского языков, актуальных направлений современной сопоставительной лингвистики, методов сопоставления лексических и фразеологических единиц русского и китайского языков, а также сопоставлению семантических полей 'возраст' и '年齡' [возраст] в русском и китайском языках. В главе рассмотрены история антропоцентрического поворота в языкознании и базовые понятия: лингвокультура, теория номинации, семантическое поле (СП), лексико-семантическое поле (ЛСП), фразеосемантическое поле (ФСР), культурная коннотация и внутренняя форма номинативных единиц русского и китайского языков.

В данной части работы содержатся основы сопоставительного исследования лексем и фразеологизмов в лингвистике. Как в русском, так и в китайском языках слова как основные номинативные единицы делятся на слоги. Роль слога в многосложных словах русского и китайского языков существенно отличается [Ван Ляои 1954: 226]. В китайском языке каждый иероглиф обозначается слогом, который представляет собой не только звуковую, но и

смысловую единицу. Односложные и многосложные слова существуют не только в русском, но и в китайском языке, поскольку китайские иероглифы могут обозначать отдельные звуки, слоги, морфемы, а также целые слова [Горелов 1984: 10; см. также: Сунь Чансюй 1956; Ян Синьан 1957]. В современном китайском языке отмечается тенденция развития двусложной структуры слова [Горелов 1984; Хэ Хуа 1997]. Основной критерий разграничения сложных слов и словосочетаний базируется на отношениях между составляющими их компонентами. Если отношения между составляющими компонентами не являются аналогами словосочетаний, то такие единицы являются сложными словами: ср.: напр., 父母 [отец 父 + мать 母 = родители 父母] и т.д. [Ван Ляои 1954: 226].

Что касается исследования русской и китайской фразеологии в сопоставительном аспекте, в работе исходим из того, что фразеологизм представляет собой семантически несвободное сочетание слов, характеризуется сверхсловностью, устойчивостью, образностью, воспроизводимостью и экспрессивностью [Кунин 1970; Ши Ши 1979], а также «культурноносностью» [Ковшова 2013; Сюй Гоцин 1999]. С позиции таксономического подхода русские фразеологизмы включают идиомы, коллокации, поговорки, пословицы, крылатые выражения, а также афоризмы и прецедентные тексты [Гудков 2004: 28–38; Ковшова 2013: 13]; китайские фразеологизмы подразделяются на чэньюй (идиоматические выражения), гуаньюньюй (устойчивые выражения), сехоуэй (недоговорки-иносказания), яньюй (пословицы), суюй (поговорки) и гэянь (афоризмы) [Ши Ши 1979: 287; Сунь Вэйчжан 1989: 1]. Китайские чэньюй соотносятся с русскими идиомами, крылатыми выражениями или цитатами, пословицами или афоризмами, а китайские гуаньюньюй соответствуют по своим признакам русским идиомам и коллокациям.

Основываясь на компонентном анализе словарных дефиниций лексем *возраст* и 年齡 [возраст], отмечаем, что в современной китайской лингвокультуре 年齡 [возраст] соотносится только с количеством прожитых лет, а не с возрастными периодами [см. Толковый словарь современного китайского языка 2012: 947]. Русский тип толкования подчёркивает возраст как период, ступень или степень в росте и развитии [см. БТС 2004: 115]. В данной главе также отмечаются отличия между ЛСП 'возраст' и '年齡' [возраст] русского и китайского языков. Они заключаются в том, что в русской лингвокультуре между *детством* и *юностью* фиксируется возрастной период – *отрочество*, а в китайской лингвокультуре между *зрелостью* и *старостью* выделяется 中年 [средний возраст]. По мере увеличения средней продолжительности жизни человека и тенденций позднего наступления старости возрастные границы между молодостью и зрелостью, зрелостью и старостью могут изменяться. Несмотря на данные тенденции, основные возрастные периоды жизни человека в русской и китайской картинах мира сохраняются: *детство*/童年, *молодость*/青年, *зрелость*/壮年 и *старость*/老年 [Шабалин 2015: 33].

Вторая глава «Сопоставительный анализ вербализации возраста человека

средствами русской и китайской лексики» посвящена сопоставительному анализу лексических средств вербализации возраста человека в русской и китайской лингвокультурах.

Сопоставление словарных дефиниций лексем, репрезентирующих видовой номинации возраста человека в русском и китайском языках (*детство/童年, юность/少年, молодость/青年, зрелость/壮年, старость/老年*), позволяет выявить сходства и отличия в представлениях о них с точки зрения носителей данных языков. В китайских толковых словарях указывается период возраста человека (ср.: *童年* [детство] – от трёх до десяти лет [Толковый словарь современного китайского языка 2012: 1308]), а русский тип толкования указывает место определенного периода жизни (ср.: *молодость* – возраст от *отрочества* до *зрелости* [БТС 2008: 553]). Кроме того, лексемы *юность* и *少年* [*юность*] в толковых словарях русского и китайского языков описываются как «подпериод» внутри *молодости* [Лопатин, Лопатина 1997: 815; Толковый словарь современного китайского языка 2012: 1144]. Итак, лексемы *детство/童年, молодость/青年, зрелость/壮年, старость/老年* являются ядром языковых средств, обозначающих возраст человека, поскольку они наиболее значимы для русской и китайской лингвокультур.

В данной главе проанализированы 209 лексических единиц русского языка (детство – 86, молодость – 52, зрелость – 34, старость – 37) и 133 лексические единицы китайского языка (детство – 31, молодость – 42, зрелость – 15, старость – 45). ЛСП 'возраст' и 'возраст' в русском и китайском языках включают единицы *возраст* и *возраст* [*возраст*] и их синонимы, которые составляют ядра данных полей. Центральные части ЛСП 'возраст' и 'возраст' [*возраст*] включают единицы, представляющие собой названия возрастного периода жизни человека (ср.: *детство/童年* и т.д.). На расстоянии от центра данных полей находится периферийная часть, где расположены лексические единицы, которые обозначают лицо, находящееся в определенном возрасте (*мальчик/男孩, старик/老人*).

Детство в русской и китайской лингвокультурах характеризуется наивностью, несамостоятельностью и детскостью (ср.: *детскость/天真, ребячество/孩子气, ребячливость/童心, ученичество/幼稚*). Кроме *赤子* [букв. красное тело] и *红颜* [букв. красное лицо], остальные единицы русского и китайского языков с семантикой 'детство человека' обладают отрицательной оценкой для обозначения взрослого человека, поскольку свойства, приписываемые детству, считаются неприличными для взрослого человека.

Лексическая система русского и китайского языков отражает неоднозначную оценку периода молодости. В русской и китайской лингвокультурах молодой человек может быть сильным и красивым (ср.: *молодец, 帅哥* [красавчик]). Китайская единица *而立* [букв. встать на ноги] имеет признак 'самостоятельный' в представлении китайцев о молодости. Единицы *青椒* [зелёный перец], *黄口* [букв. жёлтый клюв], *недоросль, сопляк* и т.д. содержат в своей семантике отрицательные коннотации '*неопытность*' и

'неумение'. В русской и китайской лингвокультурах существуют номинации возраста, связанные с гендерной принадлежностью индивида. Так, в каждом из языков есть лексемы, обозначающие девушку, которая ещё не вышла замуж, ср.: *девица* и *少女* [девица]. В китайском языке представлены единицы, обозначающие период, когда молодой человек должен начать учиться, ср.: *志学* [букв. *обратить все помыслы на учение*], но отсутствуют соответствующие единицы, касающиеся девушки. Заметим, что многочисленные лексические единицы с семой 'молодость' в русском и китайском языках, обладают «фамильярной, жаргонной» окраской: например, *青椒* [зелёный перец], *чувак*.

Зрелость рассматривается как возрастной период наиболее полного физического и духовного развития в жизни человека. Единицы *взрослость*, *зрелость*, *成年* [взрослость, зрелость], *壮年* [возмужание] и т.д. реализуют метафорические значения, связанные с признаком «спелый и зрелый». *Зрелость* в китайской лингвокультуре характеризуется энергичностью (*壮* [крепкий]) и мудростью (*不惑* [букв. *не иметь сомнений*]). Лексические единицы *муж*/ *男子汉* (*丈夫*) и *жена*/ *妇女* (*妻子*) обладают социальной маркированностью, поскольку обозначают взрослых людей, которые, заключая брак, изменяют свой статус в обществе.

Лексическая система русского и китайского языков отражает также неоднозначную оценку периода старости. Лексические единицы *руина*, *дряхласть*/ *衰老* (слабость и немощность), *ветеран*/ *老将* (опытность) отражают представления о старости. Очевидно, что лексемы *дряхласть*, *虚弱* [немощь] и др. маркируют уничижительное, неодобрительное или пренебрежительное отношение к пожилым людям из-за их физической слабости. Кроме того, в русском и китайском языках существуют единицы, отражающие уважительное отношение к людям преклонного возраста: например, *бабуля*, *дедуля*, *старушка*, *杖家* [букв. *человек, которому разрешается ходить с посохом по своему двору*].

Для номинации детей в русском и китайском языках употребляются лексемы, образ которых основан на растительной или зооморфной метафоре: ср. *мелюзга*, *пернатик*, *клоп*, *короед*, *黄口* [букв. *жёлтый клюв*]. Лексические единицы, обозначающие растения, как правило, фокусируют внимание на «неопытности» и «незрелости» молодых людей: например, *зелень*, *青椒* [зелёный перец]. В микрополе '壮年' [зрелость] в китайском языке отсутствуют единицы, образ которых основан на растительной или зооморфной метафоре. В русском языке среди лексем, называющих животных, имеются единицы, которые характеризуются гендерной маркированностью: например, лексема *боров* употребляется для характеристики мужчины зрелого возраста; лексема *кобыла* – для обозначения женщины зрелого возраста. Для обозначения человека почтенного возраста в русском и китайском языках широко употребляются лексемы, обозначающие животных и растения: ср. *карга*, *鲑背* [букв. *спина скумбрии*] и *冻梨* [букв. *мороженая груша*].

Основные способы образования лексических единиц в русском и

китайском языке имеют свои особенности. В русском языке основной способ пополнения лексической системы языка – суффиксальное словообразование [Клобуков 2009, 2015]. Так, среди единиц русского языка нередко встречаются однокоренные лексемы, которые являются идеографическими или стилистическими синонимами (ср. *девочка, девчонка, девчоночка, девчурка, девчушка, девчушечка*). В китайском языке основные способы образования лексических единиц представляют собой языковую игру (三五 [букв. три-пять]) и метафоризацию (齠髻 [букв. смена молочных зубов]). Многие лексемы русского и китайского языков означают возраст с помощью описания других явлений, так или иначе связанных с возрастной проблематикой, а именно: внешность (*буруз, 美女 [красавица]* и др.), физиологическое или физическое состояние (*акселерат, молодец/ 壮汉* и др.), черты характера (*зелень, 好汉 [удалец]* и др.) и социальный статус (*девица/ 少女* и др.). Различия между лексическими единицами сопоставляемых языков заключаются в том, что в русском языке существуют единицы, характеризующие возраст человека и его интеллектуальные способности (*несмышлёныш*), а в китайском такие единицы отсутствуют.

Третья глава «Сопоставительный анализ вербализации возраста человека средствами русской и китайской фразеологии» посвящена сопоставительному изучению русских и китайских фразеологических единиц, в которых объект описания представляет собой возрастные особенности человека и основные этапы его жизни – *детство, молодость, зрелость* и *старость*.

В данной главе проанализированы 151 фразеологическая единица русского языка (детство – 23, молодость – 38, зрелость – 11, старость – 79) и 222 фразеологические единицы китайского языка (детство – 16, молодость – 67, зрелость – 14, старость – 125). Как в русской, так и в китайской фразеологии в количественном отношении наибольшую подгруппу составляют единицы, характеризующие *старость* и ее дополнительные признаки, а наименьшее количество составляют фразеологизмы, которые описывают зрелость и ее особенности. Кроме того, в каждом ФСП 'детство', '童年' [детство], 'молодость', '青年' [молодость], 'зрелость', '壮年' [зрелость], 'старость' и '老年' [старость] сопоставляемых языков существуют подгруппы «Только о возрасте» и «Возраст + дополнительный признак».

В ФСП 'детство' и '童年' [детство] только в китайском материале выделяются подгруппы «Только о детстве» и «Детство + физиологическое явление»: ср. 聚沙之年 [букв. в возрасте, когда играют в песочнице] называет только детство; 负床之孙 [букв. встают, держась за кровать] обозначает маленьких детей, которые ещё не умеют ходить. Маленький рост представляет собой основной признак внешности детей в русской и китайской лингвокультурах. Однако по сравнению с русским языком внешность детей в китайском описывается с указанием особенностей их волос (生发未燥 [букв. волосы ещё не обсохли]).

Дети в русской и китайской лингвокультурах характеризуются добротой,

чистотой и наивностью: например, русская пословица *Устами младенца глаголет истина* и китайский фразеологизм 金童玉女 [букв. золотой мальчик и нефритовая девочка]. В подгруппе «Детство + социальный статус» отмечается, что дети и их рост тесно связаны с семейным положением и влиянием родителей. Кроме того, в русской лингвокультуре *детство* рассматривается как «начало», т.е. *детство* – это начальный этап жизни человека (например, *с колыбели*). В китайской лингвокультуре отмечается, что дети невинны, говорят правду, на них нельзя обижаться, если они употребляют табуированную лексику. Они не владеют знаниями о нормативном использовании языковых единиц (童言无忌 [букв. слова ребёнка непорочны]).

По сравнению с русской фразеологией в китайской существуют единицы, описывающие только молодость человека. Данные единицы в основном включают фразеологизмы с опорными компонентами 年龄 [возраст] и 年华 [время]: ср. 而立之年 [букв. в возрасте, когда человек встаёт на ноги], 花样年华 [букв. во время пышного цветения]. В китайской фразеологии фиксируется подгруппа «Молодость + физиологическое явление», которая отсутствует в русской, ср.: 莺声燕语 [букв. пение иволги и щебетание ласточки]. В русской фразеологии есть единицы, характеризующие ум молодого человека с положительной стороны: например, русские пословицы и поговорки *Молод годами, да стар умом*; *Ум бороды не ждёт*. В китайской же фразеологии отсутствуют единицы, которые описывают ум молодого человека.

Молодость в русской и китайской лингвокультурах характеризуется энергичностью и хорошим физическим состоянием: ср. в самом <полном> соку, 血气方刚 [букв. кровь и энергия жизни в цветущем состоянии]. Образ, создаваемый многими фразеологизмами, характеризующими молодость человека и его внешность, создаётся на основе растительной метафоры: ср. как <майская> роза, 柔枝嫩叶 [букв. мягкая ветка и молодой листик]. Неопытность, незрелость и несамостоятельность являются основными качествами молодого человека (нос не дорос, 驹齿未落 [букв. молочные зубы у молодой лошади не выпадают]). Вместе с тем молодой человек обладает положительными чертами характера: ср. смелостью (добрый молодец, 五陵年少 [букв. молодой храбрец, который жил около пяти гробниц императоров]) и талантом (龙驹凤雏 [букв. детёныш дракона и птенец феникса]). Кроме того, молодость – это возрастной период, когда люди обычно вступают в брак (на выданье, 年已及笄 [букв. в возрасте, когда можно использовать шпильки для волос]). Молодость человека в китайской фразеологии связывается с самостоятельностью: ср. 三十而立 [букв. в возрасте 30 лет, когда человек должен встать на ноги]. В русской и китайской фразеологии имеются единицы, которые касаются домашней среды и ее влияния на развитие человека молодого возраста: ср. золотая молодёжь, 小家碧玉 [букв. яшма в бедной семье] и 大家闺秀 [букв. девушка из высокопоставленной и богатой семьи].

Что касается ФСП 'зрелость' и '壮年' [зрелость], то в подгруппе «Только о

зрелости» единицы русского языка с опорными лексемами *возраст* и *век* обозначают только женщину (*бальзаковский возраст*, *бабий век*), а китайские фразеологизмы с опорным компонентом *年齡* [*возраст*] указывают как на мужчину, так и на женщину (*不惑之年* [букв. *в возрасте, когда уже нет сомнений*], *知命之年* [букв. *в возрасте, когда человек знает волю неба*] и др.). Кроме того, в китайской фразеологии есть подгруппа «Зрелость + эмоциональное состояние», которая не представлена в русской фразеологии (ср.: *丝竹中年* [букв. *струнные и духовые музыкальные инструменты и средний возраст*]).

В подгруппе «Зрелость + физическое состояние» русские и китайские фразеологизмы имеют противоположные оценки: ср. *未老先衰* [букв. *не по возрасту дряхлый*] и *вторая молодость*. Как русские, так и китайские фразеологизмы (*старая дева*, *旷夫怨女* [букв. *холостой мужчина и незамужняя женщина*]) описывают немолодого человека, который вышел из возраста, когда обычно вступают в брак, и живет один (подгруппа «Зрелость + социальный статус»). Кроме того, в русской и китайской фразеологии описывается внешность женщины зрелого возраста, молодость у которой уже прошла, но внешняя привлекательность ещё осталась: ср. *бабье лето*, *半老徐娘* [букв. *грациозная женщина старшего возраста*].

Как русские, так и китайские фразеологизмы в подгруппе «Только о старости» проявляют типичное представление русских и китайцев о пожилых людях. *Старость* представляет собой последний возрастной период человека. Русские фразеологизмы с опорными компонентами *годы* (*лета*) и *век*, а также китайские фразеологизмы с опорными компонентами *年齡* [*возраст*] и *寿命* [*продолжительность жизни*] являются единицами, описывающими старость человека: ср. *на склоне лет*, *Мафусаилов век*, *耳顺之年* [букв. *в возрасте, когда уши стали мне послушны*], *龟年鹤寿* [букв. *продолжительность жизни пресноводной черепахи и обыкновенного журавля*]. Внешность пожилых людей проявляется с помощью описания состояния волос, включая брови и бороду, состояние кожи, костей и зубов: *как лунь* (цвет волос и бровей), *как печёное яблоко* (состояние кожи), *鹤发鸡皮* [букв. *волосы журавля и кожа курицы*] (цвет волос и состояние кожи), *背曲腰弯* [букв. *спина изогнутая и поясница кривая*] (состояние кости) и др. В подгруппе «Старость + физическое состояние» фразеологические системы русского и китайского языков показывают, что пожилой человек может находиться в плохом или хорошем физическом состоянии: ср. *песок сыплется*, *老弱残兵* [букв. *старый и хилый увечный солдат*] (плохое физическое состояние) и *Стар гриб, да корень свеж*, *鹤发松姿* [букв. *волосы журавля и манера сосны*] (хорошее физическое состояние).

В русской фразеологии имеется также подгруппа «Старость + поведение», которая отсутствует в китайской: напр., *мышинный жеребчик* характеризует поведение пожилого человека. В китайской фразеологии также существуют алломорфные подгруппы «Старость + эмоциональное состояние» и «Старость +

физиологическое явление»: ср. *白头之叹* [букв. вздох и горе человека с белыми волосами], *枯杨生稊* [букв. старый тополь даёт побеги] и т.д.

Основным признаком старости человека является опыт: ср. *Старый ворон не каркнет мимо*, *老马识途* [букв. старая лошадь знает дорогу]. Данная положительная оценка черт характера пожилого человека ассоциируется с поведением животных. В русской фразеологии существуют фразеологизмы, образ которых связывается с мифологическим образом: *баба-яга* и *Дед Мороз*. В китайской лингвокультуре пожилые люди должны находиться в хорошем душевном состоянии, иметь высокие устремления и ставить перед собой новые цели в жизни: ср. *宝刀不老* [букв. драгоценный меч не стареет]. С точки зрения носителей русской и китайской лингвокультур пожилые люди пользуются уважением, но могут стать обузой для общества. В подгруппе «Старость + интеллектуальные способности» китайский фразеологизм *发短心长* [букв. короткие волосы и длинное сердце] характеризует интеллектуальные способности пожилых людей с положительной стороны, а русская фразеология отражает неоднозначную оценку их ума: напр., *старина с мозгом* маркирует положительную оценку ума старцев; а *старый пень* – отрицательную.

Таким образом, фразеологизмы обнаруживают особые способы вербализации возраста человека в русской и китайской лингвокультурах. В образе фразеологических единиц закодированы культурные смыслы, идеи, прескрипции, т.е. взгляд на мир и его понимание тем или иным народом [Ковшова 2013: 69-70]. Ценностное содержание русской и китайской культур выявляется с помощью интерпретации образов фразеологизмов сопоставляемых языков. Многие фразеологизмы русского и китайского языков также означают возраст человека с помощью описания других явлений, связанных с возрастной проблематикой (внешность, черты характера и др.).

С помощью исследования единиц, обладающих гендерной маркированностью (ср.: *бальзаковский возраст*, *年已及笄* [букв. в возрасте, когда можно использовать шпильки для волос]) выявляются признаки обозначения и вербализации возраста мужчин и женщин в русской и китайской фразеологии. Фразеологическая система отражает сходные и различные представления носителей русской и китайской лингвокультур об основных возрастных периодах. Образ, создаваемый фразеологическими единицами русского и китайского языков, которые репрезентируют возраст человека, основывается, как правило, на метафорах «человек-растение» и «человек-животное».

В **Заключении** подведены итоги проведенного исследования. В китайском языке среди номинаций возраста человека больше фразеологических единиц, чем в русском, а в русском – лексические единицы с данной семантикой более разнообразны, чем в китайском.

Возраст – сложное и неоднородное явление, которое включает в себя количество лет, прожитых человеком, а также основные периоды – *детство*, *молодость*, *зрелость* и *старость*, которые не имеют чётких границ и резкого качественного перехода. Они понимаются весьма субъективно и разнятся в

этнокультурном представлении народов. Возраст как универсальный феномен включает знания, представления, оценки, опыт, особенности мировидения и культуры этноса, а также получает воплощение в лексемах и фразеологизмах русского и китайского языков.

Возраст человека является характерным феноменом в русской и китайской лингвокультурах, который отличается динамичностью и многомерностью. Он, как правило, пересекается с другими понятиями (ср.: внешность, физическое состояние, черты характера, социальный статус и др.), что находит отражение в денотативном компоненте значения номинаций. Таким образом, в структурах ЛСП и ФСП русского и китайского языков 'детство', '童年' [детство], 'молодость', '青年' [молодость], 'зрелость', '壮年' [зрелость], 'старость' и '老年' [старость] представлены подгруппы, характерные только для одного из сопоставляемых языков (ср.: в русском языке выделяются лексико-семантическая подгруппа «Молодость + интеллектуальные способности» и фразеосемантические подгруппы «Молодость + интеллектуальные способности» и «Старость + поведение»; а в китайском – фразеосемантические подгруппы «Только о детстве», «Детство + физиологическое явление», «Молодость + физиологическое явление», «Зрелость + эмоциональное состояние», «Старость + физиологическое явление» и «Старость + эмоциональное состояние»).

Анализ единиц, обладающих гендерной маркированностью, позволяет раскрыть различия между номинациями возраста мужчин и женщин в русской и китайской лингвокультурах. Например, в русском и китайском языках есть лексемы, обозначающие девушку, которая ещё не вышла замуж, ср.: *девица*, 待字 [букв. *ждать помолвки*]. В русской и китайской фразеологии также имеются единицы, которые характеризуют гендерные различия, ср.: *бальзаковский возраст*, 年已及笄 [букв. *в возрасте, когда можно использовать шпильки для волос*] и др., т.е. возраст женщины обозначается деликатно.

Человек сравнивается с растениями и животными, являющимися составной частью окружающей его природы. Образ, создаваемый рядом номинативных единиц русского и китайского языков, которые репрезентируют возраст человека, отражается метафорами «человек-растение» и «человек-животное». Лексемы, называющие растения, обычно употребляются для характеристики молодого человека, неопытного (青椒 [зелёный перец], *зелень* и др.), а положительная оценка старости в русской и китайской лингвокультурах, как правило, связывается с животными, ср.: *Старый ворон не каркнет мимо*; 老马识途 [букв. *старая лошадь знает дорогу*].

По сравнению с лексическими единицами фразеологизмы, будучи образно мотивированными, обнаруживают особые способы вербализации возраста человека. Они представляют собой идиоэтнические пути осмысления возраста человека в русской и китайской лингвокультурах. В образе фразеологизмов русского и китайского языков закодировано ценностное содержание русской и китайской культур, которое выявляется с помощью культурной интерпретации

образов фразеологизмов: например: лексические единицы *долгожитель* и *寿星* [*долгожитель*], а также фразеологические единицы *Мафусаилов век* и *乔松之寿* [букв. *продолжительность жизни небожителей Ван Цяо и Чи Сунцзы*]. По сравнению с лексическими единицами, данные фразеологизмы связаны с религиозными слоями русской и китайской культур, их образ построен на сравнении со святыми долгожителями. Фразеологизмы в целом выступают в роли эталона долголетия в русской и китайской лингвокультурах.

Кроме того, в заключении также определены перспективы дальнейших научных исследований, которые ориентированы на сопоставление семантики номинативных единиц, маркирующих внешность человека, его социальный статус и другие параметры, в неродственных и разноструктурных языках с позиций комплексной методики, использованной в ходе данного исследования.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

Научные статьи, опубликованные в журналах Scopus, WoS, RSCI, а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 5.9.8

1. Доу Чуньяо. Фразеологизм как объект изучения в современной лингвистике: концепт ВОЗРАСТ (на материале русского и китайского языков) // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 459–461. (Импакт-фактор РИНЦ 2021 – 0,180)
2. Dou Chunyao. Comparative Analysis of Phraseological Units Meaning 'Childhood' in Russian and Chinese // Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 315. 2019. pp. 304–307.
3. Доу Чуньяо. Устойчивые сравнения с семантикой возраста в русском и китайском языках: сопоставительный аспект // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 450–454. (Импакт-фактор РИНЦ 2021 – 0,180)
4. Доу Чуньяо. Лексическая единица с семантикой возраста человека в китайском языке // Вестник ТвГУ. Серия: филология. 2019. № 2. С. 228–232. (Импакт-фактор РИНЦ 2021 – 0,160)
5. Доу Чуньяо. Русские и китайские фразеологизмы с семантикой 'возраст': сопоставительный аспект // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 173–179. (Импакт-фактор РИНЦ 2021 – 0,504)
6. Левицкий А.Э., Доу Чуньяо. Возраст человека в зеркале лингвокультуры // Вестник Московского гос. лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 6 (822). С. 122–131. Объем авторского вклада 50%. (Импакт-фактор РИНЦ 2021 – 0,200)

7. Доу Чуньяо. Лексические средства вербализации возраста человека в русской и китайской картинах мира // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 137–142. (Импакт-фактор РИНЦ 2021 – 0,504)

Научные статьи в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России

8. Доу Чуньяо. Фразеология и её классификация в русской и китайской филологии // Вестник Орловского гос. университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2015. № 5 (46). С. 284–287. (Импакт-фактор РИНЦ 2015 – 0,103)

Статьи в журналах, в сборниках тезисов докладов и научных трудов

9. Доу Чуньяо. Вербализация возрастных отличий в русском языке (на материале слов и фразеологизмов) // Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований : сб. материалов Междунар. науч. конф. / Н.И. Степыкин (отв. ред.); Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2019. С. 107–110.
10. Доу Чуньяо. Русская фразеология на фоне китайской лингвокультуры с позиции лингвистики и лингводидактики // Человек в информационном пространстве : сб. науч. статей / под общ. ред. Т.П. Курановой. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 397–400.
11. Доу Чуньяо. Вербализация понятия ВОЗРАСТ (на материале русской и китайской лексики) // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф [Электронный ресурс] : сб. статей по материалам Межд. науч.-практич. конференции памяти д-ра филологич. наук, профессора Юрия Николаевича Марчука. – М.: ИИУ МГОУ, 2019. С. 222–225.
12. Доу Чуньяо. Лексические единицы с семантикой возраста человека в русской и китайской языковых картинах мира: сопоставительный аспект // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Вып. № 4. Т. 1. – М.: Наука, 2019. С. 335–340.
13. Доу Чуньяо. Концепция В. фон Гумбольдта и современная лингвистика // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы : материалы IV Межд. научного конгресса. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. С. 245–249.
14. Доу Чуньяо. Русские и китайские фразеологизмы с семантикой 'возраст' в сопоставительном аспекте // Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике : сб. науч. трудов; в 2 т. Т. 1 / под ред. Д.Н. Новикова. – М.: МГИМО-Университет, 2019. С. 350–354.
15. Левицкий А.Э., Доу Чуньяо. Лексические средства вербализации концепта МОЛОДОСТЬ в русском языке // Гуманитарные чтения «Севастопольская гавань» : материалы науч.-практич. конференции –

Севастополь: ФГАОУ ВО «СевГУ», 2019. С. 295–300. Объем авторского вклада 50%.

16. Доу Чуньяо. Номинативные единицы с семантикой 'пожилого возраста' в русской и китайской фразеологии: сопоставительный аспект // Россия и Запад: диалог культур. 2019. № 22. С. 38–42.